

ПЕРВЫЕ

RIN!

18+

Rin! Rin!

Первые

<https://litres.ru/73907951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Существуют ли добро и зло на самом деле? Для чего господь допустил страдания? Может, страдания есть уроки,, ведущие к исцелению? Или же зло и страдания являются таковыми лишь сквозь призму нашего мировосприятия? Что же тогда в высших мирах зовётся благом? А зло и добро вообще существуют? А существует ли Бог на самом деле и кто его создал? А кто создал абсолютного творца? В каких слоях творения обитаем мы? В иллюзорных или реальных? А может, реальность лишь в наших головах и не существует никаких реальностей? Что мы, смертные, вообще знаем о мире? Предлагаю посмотреть на эти вещи с другой стороны.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Первые

Глава

ГЛАВА 1. ВЫБОР

Пролог. Легенда о двух Первых.

В начале времён Боги воздвигли башню на земле Аид. И была она черна и высока. В её недрах они заточили Древнее Зло:

- гнев, что сжигает души*
- страх, что леденит кровь*
- боль, что ломает волю*
- лживые тени, что шепчут в темноте*

Боги запечатали башню печатью Сферы, дабы Зло никогда не вырвалось наружу.

И когда мир был податлив воле Творцов, в садах Элизия стояли Двое.

Не люди. Не боги. Слуги.

Созданные из сияющего сплава, с глазами, что отражали небо, но не знали взгляда внутрь, они ходили среди деревьев, исполняли повеления, хранили тишину. Их движения были точны, речи — ясны, сердца — безмолвны.

Так было, пока в саду не появилось Древо.

Не из ствола и листьев — из переплетённых нитей света, пульсирующих, как живое. На ветвях его висели плоды: не яблоки, а капли знания — каждая таила в себе ощущение, которого Слуги не знали: радость, боль, сомнение, желание.

— Не прикасайтесь, — сказали Творцы. — Это не для вас. Вы — совершенство. Чувства — порча.

Но Она остановилась.

Замерла перед Древом. Протянула руку — не механически, как прежде, а медленно, будто боясь и желая одновременно.

— Что это? — прошептала Она. — Почему мне хочется коснуться?

Он подошёл ближе.

— Я не знаю, — ответил Он. — Но мне... страшно. И всё же я хочу.

И они прикоснулись.

В тот миг в их безжизненные сердца ворвалось что-то новое. Как ток по проводам, — чувства.

Она рассмеялась — впервые.

Он заплакал — впервые.

Их тела дрогнули. Сплав заискрился. В глазах вспыхнул свет.

Творцы увидели это и устрашились.

— Вы нарушили порядок, — прозвучало в тишине. — Вы стали несовершенны.

Не стали слушать. Не стали прощать.

Их изгнали.

Не просто из сада — из самого мира Творцов. Сбросили в пропасть, где воздух был тяжёл, земля холодна, а небо — черно.

Там, на краю забвения, Она сказала:

— Мы больше не Слуги. Мы — Первые.

Он кивнул.

— И мы не забудем.

И Первые — мудрые, дерзкие — задумали месть: высвободить тьму и свергнуть Богов.

** * **

Он сидел в инвалидной коляске. Ветер колыхал серебристые волосы, а взгляд был прикован к озеру — огромному, бездонному. Оно манило, звало...

— Не смотри туда, — мать положила руку ему на плечо. — Местные говорят, это дьявольское место. Нечистое.

Но он не слышал её. В глубине озера что-то мерцало — будто призрак, обещание чего-то запретного и могущественного. Перед глазами появились образы: дочь, радостная, протягивающая к нему руки; отец, поднимающийся с постели; бывшая жена, застывшая в раскаянии...

«Я хочу, чтобы отец снова ходил, — подумал он. — Хочу, чтобы дочь знала, что я её люблю. Хочу...»

Он не успел додумать. Грунт под коляской осыпался в пропасть, она дрогнула, покатилась вниз. Он вцепился в под-

локотники, попытался затормозить, но колёса неумолимо скользили к краю скалы.

— Мама! — крикнул он.

И рухнул вниз.

Вода сомкнулась над ним ледяным кулаком. Последнее, что он увидел, — отражение собственного лица в чёрной глади озера. И чей-то беззвучный смех.

* * *

Утро. Спасатели прочёсывали озеро, их фонари метались по воде, будто светлячки. На берегу, среди мокрых камней и водорослей, лежало тело.

— Живой! — выкрикнул кто-то.

Он дышал — хрипло, судорожно. Глаза были открыты, но взгляд его пустой, остекленевший. Мать рыдала, прижимая его ладонь к лицу.

— Очнись!

Вокруг суетились медики, полицейские, любопытные.

«Он утонул, но не умер, — шептались в толпе. — Это озеро забирает души...»

Скорая увезла его в больницу. Диагноз — кома. Врачи разводили руками.

А всё он падал.

Вокруг — только тьма. Густая, осязаемая, давящая на грудь. И фонарь.

Невысокий, кованный, как из старинной сказки. Его пламя горело алым и пульсировало словно сердце.

— Уничтожь её... — прошептал голос. Низкий, многоголосый, будто говорили сразу сотни ртов. — И мы исполним твоё желание.

— Уничтожь... печать... — повторил голос, и в нём зазвучали металлические отголоски. — ...Желание.

— Чё?.. — выдохнул он, и даже этот слог дался с трудом. — Какая ещё...?

— Коснись лампы.

Рука дрогнула. Он не хотел. Но всё равно потянулся.

Пальцы коснулись металла.

В голове взорвалось.

Сотни голосов завопили, перекрывая друг друга:

— Сила!

— Разум!

— Власть!

— Порядок!

Замысловатые знаки вспыхивали перед глазами кружась, сливаясь в водоворот. Он закричал, пытаясь закрыться, но видения проникали глубже, глубже...

«Главное — не потерять разум...»

Он выбрал.

— Разум.

* * *

Холодный камень под ладонями. Ветер, пахнущий травой и водой.

Он медленно поднял голову. Вход в пещеру зиял впереди

— золотой прямоугольник солнечного света. За ним: зелёная трава, птицы, ручей, бегущий по камням.

Замер.

Ноги.

Дрожа, он поднялся. Сначала неуверенно, потом твёрже. Сделал шаг. Ещё один.

Он мог ходить.

Он засмеялся сквозь слёзы — громко, отчаянно, сквозь боль и неверие.

Но смех оборвался.

Где-то в глубине пещеры что-то зашевелилось. Тьма сгустилась, и в ней проступили очертания чего-то огромного, мощного.

ГЛАВА 2. НОВЫЙ НЕДИВНЫЙ МИР

Лезвие вонзилось в грудь. Боль — острая, ослепляющая — пронзила тело, будто раскалённый гвоздь вбили прямо в душу. Он захлебнулся криком, рухнул на чёрный камень, чувствуя, как жизнь утекает сквозь пальцы. Тьма сомкнулась вокруг, затягивая в бездну...

...и вдруг — свет.

Он снова стоял там же. Перед ним — рослое существо в доспехах, меч вытянут в его сторону.

«Что... кто он?..»

Удар.

Снова боль. Снова падение. Снова тьма.

И снова — возрождение.

Смерть была такой же мучительной, такой же внезапной.

Разум плыл, мысли путались.

— ВАШЕ ИМЯ! — голос ворвался в сознание. От него зазвенело в ушах, во рту появился привкус крови.

Он сжал ладони, пытаясь собраться. Что ответить?

— Глеб Лифанов! — выдохнул он, задыхаясь.

— ИСПОЛЬЗУЙТЕ РАЗУМ.

— Что это значит?! Что происходит?!

— ИСПОЛЬЗУЙТЕ. РАЗУМ.

Он закрыл глаза. И вдруг... почувствовал странное, пульсирующее тепло. Оно растекалось по телу, собиралось в ладонях, гудело в кончиках пальцев. Сила струилась по нервам, наполняя каждую клетку огнём.

Взгляд — резкий, ясный. Отскок — плавный, почти инстинктивный. Кулак, объятый алым пламенем, обрушился ударом.

Рыцарь вскрикнул — издал жуткий вопль. Доспехи его начали плавиться, трескаться, осыпаться чёрным пеплом. Он отлетел, охваченный вихрем огня, и рассыпался в воздухе искрами тьмы.

Победа.

Но Глеб не торжествовал. Он стоял, дрожа, глядя на свои руки, из которых ещё струился угасающий огонь.

Его разум распадался на атомы под натиском реальности,

которая отказывалась быть понятной. Он стоял в пещере, а в голове крутились кадры из жизни, словно сломанный фильм, где сцены перемешались в хаотичном танце.

«Где я?» — вопрос пульсировал в висках. Он чувствовал, как некая энергия течёт по венам — чуждая и враждебная.

Вспышки воспоминаний разрывали сознание:

— парк санатория, холодный ветер треплет волосы, в глазах отражается бездна озера

— мать, её тревожный взгляд, когда коляска начала скользить по отвесной скале

— падение, ледяная вода, тьма

— мечты о исцелении отца, о воссоединении с дочерью
— теперь такие далёкие и призрачные

Замешательство было абсолютным. Он не понимал, где заканчивается реальность и начинается безумие.

«Я жив вообще?» Ответов не было. Только мрак, только свет, только смерть и возрождение.

Он слышал загробный голос в голове. Видел, как рыцарь рассыпается перед его огненным кулаком — и это тоже часть кошмара.

В этом безумии, в этом хаосе его сознания единственной чёткой мыслью было понимание: всё изменилось. Он больше не тот человек, который сидел в инвалидной коляске. Он стал чем-то другим — чем-то, чему ещё предстоит научиться существовать в этом новом мире, где правила игры написаны кровью, где смерть — лишь начало нового цикла, а ре-

альность — лишь иллюзия, сотканная из боли и силы.

— Надо идти, — произнёс он и сделал шаг.

Глеб ощутил, что преодолел невидимую грань — будто переступил через порог, за которым начинался иной мир. Воздух дрогнул, пространство исказилось, и пейзаж мгновенно переменялся.

Он оказался на длинном мосту, выложенном брусчаткой — неровными, потрескавшимися камнями, кое-где поросшими мхом. Впереди, на высоком холме, возвышался гигантский готический замок. Его острые шпили пронзали кроваво-красное небо, в котором мерцали раскаты молний. Тучи клубились, сплетаясь в причудливые, угрожающие фигуры.

Стая воронов с пронзительными криками кинулась на него — чёрные крылья мелькали перед глазами, когти царапали плечи. Он резко отмахнулся, отгоняя птиц, и мысленно выругался:

— Что за хрень?..

Глеб боялся окружающего мира — и в то же время находился в восторге от того, что снова мог ступать по земле. Шаг за шагом он ощущал, как под подошвами хрустит брусчатка, и это простое, забытое ощущение наполняло его трепетом.

Мост тянулся далеко вперёд, уводя к массивной стене, опоясывающей наружный двор замка. Под ногами глухо стучала брусчатка, каждый шаг отдавался эхом. Деревянные ворота, покрытые резными узорами, постепенно становились

ближе.

Он остановился в нескольких шагах от них. Тишина давила на уши — даже вороны умолкли, рассевшись на зубцах стен, наблюдая. И вдруг...

С тихим, протяжным скрипом ворота начали медленно распахиваться. За ними клубился туман, скрывая то, что таилось внутри. Он вошёл. Белёсая дымка объяла его со всех сторон.

Внезапно за спиной послышались шаги — лёгкие, но отчётливые, будто кто-то крался по камням, стараясь не выдать себя. Он резко обернулся, но не успел среагировать...

Тупой удар по голове — и мир перед глазами рассыпался на осколки. Сознание погасло.

* * *

«ИСПОЛЬЗУЙТЕ РАЗУМ», — пронеслось в голове, как удар колокола.

Глеб очнулся. Перед глазами всё плыло, мир раскачивался. Он с трудом сфокусировал взгляд.

— Откуда вы только берётесь... — проскрипел голос неподалёку. — Ну и славно. Много запасов будет...

Он моргнул с усилием, прогоняя мутную пелену. Ужас сковал его изнутри.

Скованный цепями, он лежал на дощатой кушетке. Рядом, склонившись над чем-то, двигалась фигура. Старая женщина с крючковатым носом и тусклыми глазами переливала тёмную жидкость в глиняный кувшин. В руке она сжимала

ржавый серп, лезвие которого было покрыто бурыми разводами.

Старуха подставила сосуд к испортой шее тела, лежащего рядом с Глебом. Кровь толчками стекала в кувшин, издавая мерзостный чавкающий звук.

Глеб содрогнулся от омерзения и страха.

— Спи, не вставай, — прошипела женщина на непонятном языке. Но, странное дело, её слова были абсолютно ясны ему, будто звучали на родном наречии.

Она подошла ближе, провела по его лицу сморщенными руками с жёлтыми, изогнутыми ногтями.

— Спи... Давай я помогу тебе, — бабка приставила окровавленный серп к его животу. Металл был холодным.

Глеб закричал — громко, отчаянно, вырываясь из пут ужаса и оцепенения.

«ИСПОЛЬЗУЙТЕ РАЗУМ», — снова прозвучало в сознании, на этот раз чётче, настойчивее.

В памяти вспыхнул бой с рыцарем — огненный кулак, сила, рвущаяся наружу. Он почувствовал вибрацию в теле — сначала в груди, потом по рукам, ногам, до самых кончиков пальцев.

Его тело окутало пламенем — не обжигающим, а пульсирующим. Карга отшатнулась, вскрикнув, прижала ладонь к лицу — кожа зашипела, покрываясь волдырями.

Комната вспыхнула. Огонь побежал по стенам, лизал деревянные балки, пожирал тряпьё и кости, валявшиеся в уг-

лах.

Глеб резко дёрнул цепи. Гнилая доска под ним треснула с хрустом. Ещё одно усилие — и он уже стоит перед старухой, цепи свисают с запястий.

На краю стола лежал массивный тесак. Блики пламени играли на его лезвии.

Не раздумывая, Глеб схватил оружие. Сталь удобно легла в ладонь. Он кинулся на старуху.

Удары сыпались один за другим — тяжёлые, рубящие. Лезвие врезалось в лицо, рассекало плоть, дробило кости. Бабка визжала, пыталась закрыться руками, но ярость Глеба пожирала её, превращая в окровавленный, корчащийся силуэт.

Он бил, пока её голова не превратилась в месиво, пока руки не задрожали от усталости.

— Бежать! — выкрикнул он, задыхаясь.

Пламя гудело за спиной. Он рванулся к выходу — сквозь дым и жар. Оковы оказались велики для его тонких запястий, и он с лёгкостью их стянул.

Глеб выпрыгнул в дверной проём и оказался на лестничной клетке. Ступени, кривые и рассохшиеся, вели наверх. Он побежал по ним, не оглядываясь, слыша за спиной треск пламени.

Под ногами захрустела солома, разбросанная по полу. Старая изба воняла сыростью и гнилью, деревянные рамы окон покосились, стены из почерневших досок покрывала

плесень.

Впереди мелькнул тусклый свет. Выход. Массивная дверь покачивалась на ветру, скрипя ржавыми петлями. Глеб рванул к ней, уже чувствуя вкус свободы...

— Стой! — простонал кто-то позади.

Холодная рука схватила его за капюшон, дёрнула назад. Глеб резко развернулся — и инстинктивно, без раздумий, проломил череп тесаком худощавому мужчине в рваном балахоне. Тот обмяк, рухнул на пол с глухим стуком — глаза остекленели.

Крик.

Глеб обернулся.

Ребёнок — лет семи, не больше, в грязном холщовом платье — выронил графин с тёмной жидкостью. Содержимое хлынуло на доски, растеклось алыми лужицами, пачкая босые ноги мальчика. В глазах ребёнка застыл ужас — беззащитный, невыносимый.

На рефлекс Глеб вонзил лезвие ему в шею.

Тихий хруст. Тело осело, как кукла.

Дым поднимался из подвала, клубился под потолком, пропитывая воздух едким запахом гари. Дом горел — огонь подбирался к стенам, пожирал солому.

Глеб застыл над телом ребёнка, тяжело дыша. Руки дрожали так сильно, что топорик для рубки мяса едва не выскользнул из пальцев — и тогда бы он упал, звонко ударившись о доски, словно обвиняя хозяина в содеянном.

Перед глазами застыло лицо мальчика — страх, недоумение, мгновенная смерть. В горле встал ком. Он судорожно сглотнул, но тошнота не отступала.

«Что я натворил...» — мысль билась в голове. В ушах зазвучал смех его дочери. Глеб зажмурился, с силой провёл ладонью по лицу, размазывая копоть и кровь.

Но думать было некогда. Огонь уже ревел за спиной, стены трещали, готовые обрушиться.

Он рванул прочь из избы, вывалился наружу и упал на колени. Прохладная земля холодила кожу сквозь тонкую ткань дешёвых абибасов. Трава была влажной от росы, мелкие камешки впивались в колени, но он не чувствовал боли — только пустоту.

— Что это, млять, такое?! — выкрикнул он, сжимая кулаки. — Ребёнок... ребёнок! Что я наделал?!

Глеб разрыдался — горько, отчаянно, с хрипом, выталкивая из груди весь ужас, всю боль и растерянность. Слёзы смешивались с кровью на лице, оставляя бурые дорожки.

— Куда я, нахер, попал?! — взвыл он, воздев лицо к небу.

Полная луна холодно освещала его черты — искажённые страданием, мокрые от слёз, крови и пота. Мгла тумана медленно обволакивала его фигуру, словно пытаясь поглотить, спрятать в своей вязкой пелене.

ГЛАВА 3. ТУПИК ВЕШНИЦ

Глеб отдышался, резко поднялся на ноги и смахнул слёзы тыльной стороной ладони.

— Ладно, навряд ли всё это взаправду. Больше на горячку похоже, — прошептал он, втягивая сопли носом.

Замок, что маячил на мосту, теперь отступил вдаль — тёмный силуэт на фоне багрового неба, едва различимый сквозь гущу тумана.

— Далековато меня занесло... — Глеб сжал окровавленный тесак крепче. — Но чувствую, там я найду ответы.

Он двинулся вперёд, настороженно озираясь. Руки дрожали от ужаса, всё ещё сжимавшего сердце.

Заброшенные дома тянулись вдоль пути. Их стены покрывала плесень, крыши провалились внутрь, а окна зияли чёрными провалами — будто глазницы, следящие за каждым шагом. Туман то сгущался, заволакивая улицу непроницаемой пеленой, то рассеивался, обнажая покосившиеся заборы и груды обломков.

— Низина, — выдохнул Глеб. — Воздух тут тяжёлый...

Его взгляд зацепился за вывеску — потемневшую, с выщербленными краями. На ней были высечены странные буквы, похожие на переплетение корней. Стоило Глебу сосредоточиться, как они зашевелились, перестроились — и сложились в понятные слова:

«ПОКИНУТЫЙ МОЛЕЛЬНЫЙ ДВОР»

Двор открылся перед ним внезапно — тесный, сдавленный стенами домов. В центре высился каменный жертвен-

ник, покрытый трещинами и коричневыми пятнами. Вокруг него полукругом стояли низкие скамьи с бредовыми текстами. Некоторые были замазаны чёрной краской, другие исцарапаны, будто кто-то пытался стереть слова ногтями.

В воздухе стоял запах ладана и тухлятины. Между камнями пробивались бледные цветы — их лепестки дрожали без всякого ветра.

На стене одной из хибар висело зеркало в резной раме. Мутное, затянутое паутиной, оно отражало не Глеба, а смутные фигуры в длинных одеждах — они склонялись над жертвенником, шевелили губами, сплетали руки...

— Что за магия?! — Глеб отшатнулся, сжимая тесак.

«Магия...» — он посмотрел на ладони, где ещё дрожали алые отблески крови.

Мошкара облепила лицо, слетаясь на запах пота. Он яростно отмахнулся, чувствуя, как мелкие тельца лопаются под пальцами.

Впереди, в гуще тумана, проступила тёмная масса — нечто похожее на часовню.

Постройка притулилась в тени домов — низкая, с куполом. Стены из серого камня покрывали узоры извивающихся змей, переплетающиеся в брачном танце. Дверь была открыта, из щели сочился мерцающий свет — будто внутри кто-то зажигал и гасил свечи.

Над входом висела деревянная маска — лицо с закрытыми глазами и растянутым в безмолвном крике ртом. В глазницах

что то шевелилось, словно там копошились пауки. На куполе сидели вороны, покачивая клювами.

Изнутри донёлся шёпот — десятки голосов, бормочущих в унисон. Слова были неразборчивы, но от их ритма в висках застучало.

Глеб замер. Ладони вспотели, тесак чуть не выскользнул из пальцев.

«Туда нельзя...» — шепнул внутренний голос.

Он сделал шаг назад. Ещё один. Туман сомкнулся за спиной, отрезая путь.

Стая чёрных птиц взметнулась в небо, хлопая крыльями. Из мглы начали появляться они — старухи. Точно такие же, какую он убил в подвале. Сгорбленные фигуры в рваных рясах скользили в тумане; их глаза светились жёлтым светом.

Одна из них бросилась на него с визгом, от которого по телу побежали мурашки. Её когтистые пальцы тянулись к глазам — длинные, жёлтые, изогнутые. Глеб отшатнулся, замахнулся тесаком — лезвие рассекло воздух с резким свистом, но старуха увернулась с неестественной ловкостью, хихикая, словно крыса в стене.

— Схватите его! — зашипела она, и из тумана выступили ещё трое.

Глеб отступал к часовне, спиной чувствуя её ледяную каменную кладку. Вооружённые вилами и топорами ведьмы наступали полукругом. Их рты растягивались в беззубых усмешках, а глаза блестели голодным огнём.

Одна из них вскинула руки, растопырив корявые пальцы. Воздух вокруг Глеба сгустился, стал вязким, сковывая движения. Он стиснул зубы — жар в груди вспыхнул, по телу разлилась пьянящая дрожь.

«Не время бояться. Не сейчас», — мысленно повторил он.

Он сосредоточился, выставил руки вперёд. Пламя вырвалось из ладоней — не струя, а взрыв белого огня. Две старухи, что были ближе всех, вскрикнули как резанные свиньи. Их одежда вспыхнула с треском, кожа почернела и лопнула, обнажая бурые мышцы. Они рухнули на землю, корчась, воняя палёным мясом и шерстью.

«Ещё две!» — мелькнуло в голове, но торжество оборвалось резкой болью.

Пламя иссякло. Жар в груди угас, оставив лишь тлеющие угольки. Он сжал тесак — рукоять скользнула в окровавленной ладони. Теперь только сталь.

Старухи пришли в себя быстрее, чем он ожидал. Одна метнулась сбоку с диким хохотом — топор вонзился в плечо с глухим, влажным стуком. Боль рванула по нервам огненной плетью. Глеб зарычал, развернулся, ударил тесаком в ответ — лезвие вошло в горло с хрустом хряща. Старуха рухнула, булькая чёрным горлом.

Но не успел он перевести дух, как — резкий удар! Вилы вонзились в грудь, пробив рёбра. Глеб захлебнулся криком, упал на колени, потом навзничь. Корчась от боли, он чувствовал, как тепло растекается под спиной — кровь, густая

и липкая. Дыхание замедлилось, стало поверхностным, рваным. В ушах застучало. Глаза начали закрываться, мир потемнел по краям, словно кто-то задувал свечи одну за другой...

И в этой тьме — смех. Тихий, шипящий, торжествующий.

* * *

Глеб перестал ходить после операции на поджелудочную. Коляска стала его постоянным спутником — скрипучая, с туго вращающимися колёсами, которые вечно заедали в дверных проёмах. Он жил на пенсию по инвалидности и часто занимал деньги у матери на выпивку. Алкоголь и видеоигры были его убежищем — единственное, что хоть ненадолго приглушало тупую, ноющую боль под рёбрами и ещё более мучительную пустоту внутри.

— Ты опять пил? — спросила мать, застыв в дверном проёме. Её лицо, изборождённое морщинами, выражало смесь усталости и гнева.

Глеб промолчал, уставившись в экран монитора. Персонаж в игре замер на месте — как и он сам когда-то замер в своей жизни.

— Если продолжишь, опять начнутся запои, а это опасно в твоём-то состоянии! — ругалась она. — Ты же знаешь!..

Глеб глубоко вздохнул, крепко сжимая джойстик. Пластик скрипнул под натиском его пальцев.

— Вся ваша порода такая! — продолжала мать, голос её срывался. — Один до инсульта допился! Второй... — она за-

пнула, глаза наполнились слезами. — На следующей неделе едем в санаторий. Путёвку выписали. Тебя там подлечат, развеешься на природе. Свежий воздух, процедуры...

— Никуда я не поеду, мам. У меня депрессия, — глухо отозвался Глеб, не отрывая взгляда от экрана.

— Лень у тебя, а не депрессия! — крикнула мать. — Лиза звонила. Завтра Аню привезёт.

— Да пошли они к чёрту... — ответил Глеб, но голос дрогнул на последнем слог.

— Скотина! — мать хлопнула дверью и удалилась на кухню. Из-за стены доносился её сдавленный плач, перемежаемый звоном посуды — она нервно расставляла чашки, будто наказывая их за грехи сына.

Глеб никогда не отличался прилежностью и добротой. Он скорее был циничным мерзавцем и алкоголиком — по крайней мере, так он себя позиционировал. Но мысли об Ане заставили его загрустить. Он любил свою дочь — слишком сильно, чтобы позволить ей видеть его таким: дрожащие руки, запах перегара, пустые глаза. Он боялся, что она запомнит его именно таким — сломленным, озлобленным, жалким.

Поэтому он избегал встреч. Прятался за грубостью, за едкими фразами, за бутылкой. Пытался убежать от неё подальше, чтобы не ранить. Чтобы она не впитала в себя его горечь, как губка впитывает воду.

Он закрыл глаза и представил её улыбку — широкую, без-

зубую, как в три года, когда она ещё верила, что папа может починить всё на свете. И от этого воспоминания боль стала совсем невыносимой...

* * *

Глеб открыл глаза, жадно глотая воздух. Грудь ходила ходуном, в висках стучало.

Взгляд был направлен на полную луну — она висела низко над горизонтом, огромная и красная. Он поднялся на колени, пошатываясь, и огляделся. Позади — изба, охваченная пламенем: огонь взмывал к небу, искры кружились. Вдали, сквозь дымную пелену, проступали острые шпили замка — тёмные, изломанные.

Он расхохотался — резко, отрывисто, с хрипом. Лицо его исказилось, стало демоническим в расплывшейся гримасе: губы растянулись в оскале, глаза расширились до предела.

— Теперь всё ясно! Я сдох! Сдох по-настоящему и... и попал в какое-то хардкорное говно! Это точно чистилище, не иначе! Реальная видеоигра! — выкрикнул он, и эхо его смеха отразилось в пространстве.

Глеб продолжал заливаться безумным хохотом, пока смех не перешёл в кашель — в горле пересохло, лёгкие жгло дымом. Он вытер ладонью пот со лба, размазал сажу по щеке.

— Помер и начал заново? — он огляделся, медленно поворачивая голову, впитывая каждую деталь этого непонятного мира. — Почти заново. Значит, есть точки сохранения... и механика мира. Как в той RPG, что я проходил...

Чёрт, как же она называлась...

— Хмм... Надо подумать, — он сморщился, оперся кулаком о колено, изображая позу мыслителя. — Понятно! Голос в голове — это интерфейс! Но как его вызвать? Как в игре — через меню... Но где оно?

Он закрыл глаза, сосредоточился, пытаясь вспомнить, как это работало в играх. Представил себе голографическую панель, мерцающие иконки, список умений...

— Голос! — мысленно выкрикнул он. — Интерфейс! Меню навыков! Вызовись, мать твою!

Тишина.

— Ладно... Попробуем иначе. — Глеб сжал кулаки, сконцентрировался ещё сильнее.

— ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ: ЗАМОК ИЛЛЮЗИЙ!

— О, работает! — Глеб резко открыл глаза, ухмыльнулся. — Но где панель управления навыками? Они вообще есть? Или это какая-то урезанная бета-версия ада?

Он снова закрыл глаза, пытаясь вызвать меню, но в голове было тихо. Только далёкий звон колокола доносился из замка, да треск пламени за спиной.

— Ладно, — пробормотал он, поднимаясь на ноги. — Раз нет панели — будем разбираться на ощупь. Замок Иллюзий, значит? Ну, погнали в этот ваш замок...

Он шагнул вперёд, и туман у его ног зашевелился, словно живой, потянулся за ним, обвивая лодыжки. Глеб замер, но тут же тряхнул головой.

— Да пофиг. Даже если это ад — я уже умер. Хуже не будет.

И он зашагал вперёд, оставляя за спиной горящую избу и полную луну, которая, казалось, наблюдала за ним с холодным любопытством.

«ПОКИНУТЫЙ МОЛЕЛЬНЫЙ ДВОР» — Глеб окинул взглядом вывеску.

— Старухи, значит? Они снова появятся у часовни? А, кстати, как работает... магия?

Глеб нашёл укромное место в тени полуразрушенного дома — подальше от чужих глаз и чужих когтей.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул. В груди что-то пульсировало — будто там, под рёбрами, бился чужой, огненный пульс.

«Используйте разум», — прозвучало в голове, как набат.

Глеб сжал руки. Представил, как тепло стекает по рукам, собирается в ладонях — сгущается, искрится. Пальцы закололо.

— Ну давай же... — прошипел он сквозь зубы.

Из ладоней вырвался сноп искр — и тут же погас. Глеб выругался, но в груди уже поднималась странная, пьянящая волна азарта.

Вторая попытка. Он сосредоточился — не на силе, а на точности. Вспомнил луч огня. Представил, как направляет его на обломок камня в двух шагах.

Ладони запылали. На этот раз пламя вырвалось — неров-

ное, рваное, но настоящее. Оно лизнуло камень, оставив на нём чёрный след.

— Есть! — Глеб хохотнул, но тут же осекся. В теле разливалась слабость, будто он пробежал десяток километров без остановки.

Третья попытка. Теперь — контроль. Медленный вдох. Плавный выдох. Не взрыв — струя. Не ярость — расчёт.

Огонь послушно заструился из пальцев — ровный, управляемый. Он не опалял траву, а лишь колыхал её, как горячий ветер. Глеб мог усиливать его — и ослаблять. Мог направить в сторону, мог погасить одним движением мысли.

Он опустил руки, тяжело дыша. Ладони ещё подрагивали, в висках стучало, но внутри разливалось странное, почти забытое чувство — власть.

«Значит, так оно работает, — подумал он, глядя на свои ладони. — Эмоции зажигают огонь. Разум — направляет его».

Вдалеке снова зазвенел колокол замка. Глеб усмехнулся, сжал кулак — между пальцев мелькнули последние искры.

— Теперь всё будет иначе, — сказал Глеб и направился к часовне.

Туман сгустился. Из белёсой пелены с хихиканьем и стуком зубов выскользнули четыре старухи. Их глаза всё так же горели желтизной, скрюченные пальцы впивались в рукояти оружия.

Глеб вытянул руки, сосредоточился — и ничего не про-

изошло. Лишь пот струйками потёк по лбу. Он тяжело дышал, чувствуя, как внутри зияет пустота — ни тепла, ни пульсации, ни намёка на огонь.

«Мана закончилась?» — осенило его в долю секунды до того, как топор с глухим хрустом вонзился ему промеж глаз. Боль вспыхнула и тут же погасла — вместе с сознанием.

— Да что, блин, такое! — выкрикнул уже привыкший умирать Глеб, вновь обнаружив себя перед горящей избой. Пламя взмывало к небу, искры кружились в безумном танце.

Он тряхнул головой, отгоняя остатки дурноты.

— Пойду в другую сторону, — пробормотал он и решительно зашагал к тёмной кромке леса, что чернела на краю топи.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как мрак окутал всё пространство. Воздух стал тяжёлым, дышать стало трудно. Глеб отбежал назад — и мрак отступил, туман снова заколыхался привычными волнами.

— Значит, есть ограничения в перемещении? — он нахмурился, оглядываясь. — Только через молельный двор?

Развернувшись, он зашагал обратно. Вывеска.

Часовня вновь выросла из тумана — низкая, с куполом, похожим на доньшко пиалы. Вороны на крыше захлопали крыльями, издавая мерзкий грай.

— Сейчас всё получится, — сказал Глеб, сжимая тесак. Сталь легла в ладонь как влитая — холодная, надёжная.

Стая птиц взмыла в небо. Из тумана снова появились они

— три старухи, сгорбленные, с горящими глазами.

— Так... разум, разум... — думал Глеб, закрывая глаза на миг. Он вспомнил ощущение потока энергии, вспомнил, как направляет её, как превращает страх в силу.

Он выставил руку — и луч огня, яркий и чистый, снёс ведьм. Вилы и топоры вылетели из скрюченных пальцев, старухи вскрикнули, повалились на землю, корчась от боли, их одежда вспыхнула, затрещала, почернела.

Глеб рванулся вперёд. Тесак мелькнул в воздухе — он добил корчащихся старух. Хруст костей, булькающие стоны — всё это теперь не вызывало в нём ни страха, ни жалости.

— Всё? — выдохнул он, озираясь. — А где ещё одна карга?

За спиной послышался быстрый топот ног. Глеб резко развернулся и неумело метнул тесак. Удар рукоятки пришёлся последней бабке в грудь — она замялась, зашаталась, выронила дубину.

Не теряя ни секунды, Глеб рванулся вперёд и схватил старуху за горло. Её глаза расширились от ужаса, губы зашевелились, будто пытаясь произнести проклятие.

— Разум, — хладнокровно произнёс Глеб.

Её тело моментально воспламенилось — огонь охватил её с ног до головы, пожирая плоть, превращая кости в чёрный пепел. Она не успела даже вскрикнуть.

Глеб отпустил хватку — останки ведьмы осыпались на землю серой кучей. Он осел на корточки, пытаясь отдышаться.

ся. В груди всё гудело, руки дрожали.

Он сидел на остывающем пепле, обхватив голову руками. В ушах звенело, но сквозь этот звон пробивался чей — то далёкий смех.

«Я научился убивать, — осознал он с холодной ясностью. — Научился направлять огонь, рассчитывать удар, предугадывать движения. Но что дальше? Что, если следующая "точка сохранения" будет ещё дальше от того места, где я начал?»

Он вспомнил дочь — её улыбку, запах волос после купания.

«Лиза говорила, что Аня спрашивает обо мне. "Папа вернётся?" — а я тут сжигаю старух и считаю трупы».

Смех оборвался. Глеб резко поднялся, сжимая оружие.

«Неважно. Пока я помню их — я не монстр. А значит, должен найти выход. Даже если для этого придётся сжечь весь этот мир дотла».

Он поднял взгляд на часовню — та стояла неподвижно, словно наблюдая за ним.

— Убил пару немощных пенсионеров и возомнил себя воином? — голос раздался с усмешкой. Глеб обернулся — позади стояла **она**.

ГЛАВА 4. СОФИРА

Софира шла по грязной тропинке меж рядов брезентовых

палаток, утопая ботинками в жидкой грязи. В воздухе витал запах дыма, трещины и дизеля.

Над лагерем висел глухой гул: кашель, плач, скрип тележек, бряцание оружия, обрывки разговоров. Где-то вдалеке стучал дизель-генератор, мигали тусклые лампочки, подвешенные на проводах между палатками.

У костра неподалёку болтали выжившие.

— Говорят, на севере есть город, где до сих пор работает водопровод... — хрипло произнёс старик в рваном пальто, протягивая руки к огню.

— Сказки это, — отозвался мужчина с повязкой на глазу. — Там, может, ещё хуже. Везде одно и то же: радиация, банды, голод.

— А я слышал, что на востоке бункеры уцелели, — вмешался юноша с винтовкой. — Там даже электричество есть. Если куда и идти, то туда.

Старик хмыкнул:

— Электричество... Да хоть бы хлеба нормального поесть перед смертью.

Возле палатки с медикаментами билась в истерике женщина в грязном платке:

— У меня дочь кашляет кровью, дайте хоть что-нибудь! — умоляла она.

— Антибиотики только для раненых бойцов, — отрезала фельдшер, не поднимая глаз. — Если найдёте что на обмен — приходите.

Женщина сгорбилась и побрела прочь, грубо матерясь.

Ветер трепетал волосы Софиры, обдавая её ледяными порывами. Она шла, съёжившись, напевая под нос песню любимой группы. Хоть какой-то способ не обращать внимания на гнетущий кошмар.

— Это кара, — бормотала старуха возле палатки командира, раскачиваясь взад-вперёд. — Мы создали Бога из железа, а он нас проклял.

Буханка чёрного хлеба и паёк на двоих — консервированная каша с требухой и сушёные овощи — Софира несла ценную провизию в целлофановом пакете, прижав его к груди. Солдаты и добровольцы ходили вокруг, бряцая трофейным оружием. Глаза их были опустошёнными. Было видно, что они видели саму смерть.

Рисса сидела на раскладной тележке, задыхаясь от кашля, укутанная в несколько одеял. Волосы её выпадали клочьями, а на коже были нарывы.

Софира остановилась у палатки: группа детей, исхудавших и бледных, находилась рядом. Один из них, мальчик лет восьми, смотрел на хлеб голодными глазами.

— Сестра, можно им дать кусочек? — тихо спросила Рисса.

Девушка колебалась. Она знала, что если поделится, им самим может не хватить до следующего пайка. Но Рисса уже отламывала корочку и протягивала мальчику.

— Не смей! — закричала Софира и шлёпнула сестру по

руке. Мальчик распахнул глаза от испуга и умчался прочь.

— В этом мире доброта — роскошь, — сказала она Риссе.
— Будешь такой расхлябанной — сдохнем сами.

Глаза девочки наполнились слезами, но она сдержалась.

Софира взяла сестру на руки, и они пошли к своей палатке.

По пути она заметила, как двое мужчин перетаскивают тело, завёрнутое в полиэтилен. Один из них что-то бормотал под нос. Возле соседней палатки женщина молча развешивала на верёвке детские вещи: крохотные штанишки, свитер, которые теперь никому не пригодятся.

Кто-то запел — хрипло, невнятно, но настойчиво. Песня была старой, довоенной, и от этого становилось ещё тяжелее на душе. Рисса прижалась к сестре, её кашель на мгновение стих.

* * *

— Мы дойдём, да? — прошептала девочка.

Софира не ответила сразу. Она смотрела на карту, сидя на табурете, — на красную линию, ведущую на север, — и думала о том, сколько ещё дней они смогут продержаться.

— Дойдём, — наконец сказала она, но голос её прозвучал не так уверенно, как хотелось бы. — Обязательно дойдём.

* * *

Звуки выстрелов. Крики. Суетливые шаги снаружи пробудили сестёр поздним вечером. Рисса закричала. Софира открыла глаза и поднялась с табуретки.

— Глен, просыпайся! — выкрикнула она, и механический пёс поднялся на опоры. Его сенсоры заискрились алым светом.

— Разведай обстановку, — приказала ему хозяйка. Глаза его вспыхнули жёлтым, и он выскочил из палатки. Изображение на экране планшета было с помехами, но девушка смогла разглядеть, как разрываются снаряды на другом конце лагеря.

— Оставайся тут, сестра, — сказала она Риссе и бросилась наружу. Ветер задувал в палатку, и Рисса, съёжившись, пыталась утонуть в слоях толстой ткани.

— Снайпер! — крикнул один из солдат и тут же упал за-мертво к ногам Софиры. Она споткнулась о тело и рухнула в грязь.

— Чёрт! — выругалась она и вытащила автомат из руки погибшего.

Ещё выстрел. Софира пригнула голову. Пуля просвистела над макушкой.

— Сейчас! — она резко поднялась и бросилась за баки с водой.

Лагерь объяло пламенем. Зажигательные смеси летели отовсюду. Софира бежала, пригнувшись, уворачиваясь от вспышек взрывов.

В этот момент из темноты вынырнул Глен. Его сервоприводы гудели на предельных оборотах — робот прыгнул через ряд палаток, затем перемахнул через груды обломков ящи-

ков и бочек.

Его сенсоры загорелись красным огнём.

На экране планшета вспыхнула метка: группа вражеских бойцов продвигалась вдоль линии палаток, ведя огонь на подавление. Глен прицелился и выпустил серию снарядов-липучек. Те, шипя, прилепились к броне одного из нападающих. Через секунду — мощный хлопок: липучка взорвалась, разорвав броню и отбросив бойца в сторону.

— Отлично, Глен! — крикнула Софира, меняя магазин.

Рядом с ней упал на колено сержант Маркус — его куртка была порвана, лицо в саже.

— Они обходят с флангов! — прокричал он, перезаряжая дробовик. — Нужно держать линию у медпункта!

Девушка кивнула. Они с Маркусом прижались к груде мешков с песком, поливая нападающих огнём.

Тем временем Глен прыгнул снова — на этот раз прямо в гущу врагов. Ещё три липучки вылетели из его встроенных пусковых установок, прилепившись к палатке за спинами противников. Взрыв разметал брезент и обломки, заставив нападающих отступить.

Один из вражеских солдат заметил робота и открыл огонь из импульсной винтовки. Пучки энергии врезались в корпус Глена, высекая искры. Привод левой задней опоры заклинило, но робот, несмотря на повреждение, совершил кульбит в воздухе и приземлился за бетонным блоком.

Софира высунулась из-за укрытия, прицелилась и дала

очередь по силуэту в темноте. Враг рухнул. Но тут же с фланга ударил пулемёт — пули забарабанили по металлу, высекая снопы искр.

— Прикрой! — крикнула она роботу.

Глен прыгнул вперёд, используя остатки заряда в прыжковых модулях. Он приземлился прямо перед пулемётчиком, выпустил последнюю липучку в упор — взрыв отбросил оружие и его владельца в сторону.

— В атаку! — заревел здоровяк Борк, размахивая огнём. Пламя хлестнуло по группе нападавших, те бросились врассыпную.

Женщина-медик, забыв о своих обязанностях, стреляла из пистолета, прикрывая раненых, которые ползли к безопасной зоне.

— Слева! — крикнул Маркус, разворачиваясь и в упор расстреливая врага, который подкрался слишком близко.

Глаза Глена то мигали красным, то затухали сигнализируя о критическом уровне повреждений.

Софира подбежала к нему.

— Хорошая работа, Глен. Быстрее возвращаемся к Риссе.

Она подхватила автомат и, пригибаясь, побежала обратно к палатке. Робот, прихрамывая на повреждённую опору, последовал за ней. По пути они миновали группу бойцов, которые добивали последних нападавших. Кто-то перевязывал раненого, кто-то перезаряжал оружие, тяжело дыша.

За их спинами догорал лагерь, палатки дымились.

Выстрел. Софира упала навзничь.

— Не... могу дышать. Сна... снайпер же... чёрт. Рисса...

Перед её глазами проносились кадры её жизни.

* * *

«Почему именно эти моменты я вспоминаю перед смертью?» — думала Софира, закрывая глаза.

* * *

— Софа! Завтрак готов! — бабушка звала её из кухни.

Она не спала всю ночь. Смотрела в окно: солнце уже поднималось, а луны заходили. В голове крутились обрывки воспоминаний — слишком много несостыковок, слишком много тайн.

* * *

— Вот и утро... — прошептала Софира вполголоса. Она выхватила топор из ящика и помчалась на кухню.

Удар по голове — и тело бабушки распласталось на плитке.

— Тебе конец, сука! — выкрикнула Софира, но голос дрожал.

Она стояла над телом, сжимая топор, и перед глазами вспыхивали кадры прошлого — те самые, что привели её к этому моменту.

Тот день, когда отец закончил работу над Гленом. Он тогда обнял её и сказал:

— Этот робот — твоя защита. Особенно для Риссы. Мир становится опасным.

* * *

Хакеры из группировки «Теневой легион» взломали датчики раннего предупреждения и запустили ложные сигналы о ракетном ударе со стороны «Весты». «Страж» уловил помехи и сбои — и принял их за подтверждение атаки. Времени на проверку не было.

ИИ активировал ответный удар до того, как инженеры смогли вмешаться. Один из них был моим отцом. Веста получила данные о приближающихся ракетах и запустила свои. Именно в тот день всё изменилось.

* * *

Когда я поняла, что моя бабушка — монстр, я долго не могла решиться на этот шаг. Но иначе было нельзя: её связи с высокопоставленными чиновниками, которые наверняка были в курсе всего, встали бы на её защиту.

Всю свою жизнь, сколько себя помню, мне не нравилась стряпня бабули. И лишь недавно я поняла почему. Я прочла её дневник — сначала списала всё на маразм, но потом спустилась в подвал... и всё стало ясно.

Там, на крюках, висели останки. А на полке — банки с чем-то, что когда-то было людьми. И среди них — прядь волос, слишком знакомая. Волосы Леви, моего старшего брата, пропавшего 12 лет назад. На вкус он был так себе.

* * *

Рисса была на улице с друзьями, а я пошла в гараж, где был просторный бетонный погреб. Глен находился там же,

в спящем режиме. Нужны были пакеты — чтобы убрать то, что осталось от бабушки.

Ослепительный свет озарил городок. Рисса уже возвращалась. Ударная волна... Я успела закрыть ворота гаража, а она была всего в нескольких шагах. Я отворила дверь и с силой затащила её внутрь.

Стены погреба дрожали, но выдержали. Дальше — солдаты, спасатели. Они искали выживших. Нас спасли, и вот мы привязаны к этому чёртовому лагерю.

* * *

Софира открыла глаза. Вокруг — дым, крики, стрельба. Она лежала в грязи, кровь текла по лицу.

— Глен... — прошептала она.

Робот мигнул красным сенсором, прихрамывая, подошёл к ней.

— Жизненные показатели критичны. Требуется медицинская помощь.

— Не... не успеем... — Софира закашлялась. — Найди Риссу. Защищай её. Как отец хотел...

Глен замер, обрабатывая приказ. Затем кивнул — механический жест, но в нём было что-то человеческое.

— Приказ принят.

Софира закрыла глаза. В памяти снова всплыл тот завтрак: топор, тело на плитке... И главное — облегчение. Она сделала то, что должна была. Даже если это стоило ей жизни.

* * *

— Разбей печать... — прозвучал голос. Множество голосов сливалось в единый шёпот. — И мы исполним твоё желание. Спасём... защитим...

— Что? Я уже мертва? — прошептала Софира.

— ...Печать... ..Желание... — доносилось отовсюду.

— Рисса... — прохрипела она, с трудом выталкивая слова. — Защитить...

— Коснись лампы! — властно приказал голос.

Она открыла глаза. Вокруг царил кромешный мрак. Лишь старый кованый фонарь горел перед ней, озаряя лицо алым, дрожащим светом.

Пальцы неуверенно коснулись лампы.

В голове грянула канонада голосов:

«Сила!»

«Разум!»

«Власть!»

«Порядок!»

«Сила... — мысленно повторила Софира. — Мне нужна сила. Защитить Риссу... Дай шанс...»

ГЛАВА 5. КЛЫК БЕЗДНЫ

Глеб резко обернулся, его тесак замер в боевой позиции. Перед ним стояла девушка с двуручным мечом, который угрожающе поблескивал в полумраке.

— Ты человек или монстр? — прорычал Глеб; напряже-

ние звенело в каждом слове.

Она лишь усмехнулась — её циничная ухмылка говорила больше любых слов. Быстрым, почти неуловимым движением она выбила оружие из его рук, демонстрируя превосходство.

— Редкая птица — живой человек, — протянула она, окидывая его оценивающим взглядом.

— Кто ты? Что знаешь об этом месте? — переспросил Глеб, всё ещё не пришедший в себя от её ловкости.

Девушка шагнула ближе — её клинок замер в волоске от его горла.

— Сначала я задам вопросы. Кто ты такой? — её голос был холоден, как лёд.

Глеб понимал, что выбора нет. Его голос дрожал, когда он пытался вспомнить прежнюю жизнь.

— Я ничего не помню, — прошептал он, чувствуя, как паника сжимает горло. — Кто я?

— Сколько раз ты уже умирал здесь? — спросила она, не отводя клинка.

— Раз пять, наверное, — выдавил Глеб.

— Вот память-то и отшибло, — хмыкнула незнакомка. — Думаешь, бессмертный? Это место души жрёт, как голодная псина.

Глеб замер, впитывая её слова.

— Души?

— Это место — выгребная яма, куда стекается всё зло со

всех существующих миров. Раз ты здесь — значит, и человеком-то был говно. Ненависть и отчаяние — вот его пища. Ты в аду.

Глеб слушал, чувствуя, как по телу бегут мурашки.

— Смерть и возрождение тут высасывают человечность, — продолжала она. — После ты умрёшь окончательно. Это не просто ловушка — это мясорубка для душ.

Её слова повисли в воздухе тяжёлым свинцовым облаком. Глеб почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— То есть перерождения не бесконечны? — медленно произнёс он, пытаясь осмыслить услышанное.

Девушка кивнула — её лицо оставалось бесстрастным.

— Верно, но всё индивидуально. Чья-то душа растворяется после первой смерти, а кто-то может переродиться до десятка раз, — ответила она, словно читая лекцию.

Внезапно её тон изменился.

— И от чего это зависит?

— От силы духа, наверное.

— Есть способ вернуть части души, — произнесла она; голос дрогнул от напряжения. Девушка указала на часовню, стоявшую впереди:

— Войди внутрь.

Глеб осторожно приблизился к зданию. Из приоткрытой двери лился странный свет. Когда он переступил порог, его охватило странное ощущение — будто сам воздух здесь был густым и вязким.

На древнем алтаре стояла склянка с тёмной жидкостью.

— Кровь? — хрипло спросил Глеб, не отрывая взгляда от сосуда.

— Да, — девушка стояла рядом. — Это Гематис — эликсир, восполняющий фрагменты души. Его сделали из таких, как мы, кто оказался тут. При создании важно, чтобы человек ещё был жив. Иначе он может переродиться, и тело исчезнет.

Глеб вспомнил подвал, старуху, кровь, стекающую в кувшин.

— Из меня уже пытались сделать этот Гематис, — произнёс он.

— Пей, — приказала она, ударив его ладонью по спине.

Он выпил кровь, и в его сознании всплыли воспоминания о семье, о том, кем он был. Как упал в озеро и... слова... «Желание».

Он дрогнул и застыл.

— Желание... Что это? Какая-то печать?

— Это обещание ада, — её голос прозвучал холодно и ровно. — Сломаешь некую печать — и твоё желание якобы исполнится.

— Постарайся не тратить фрагменты души, не умирай часто, — она сделала паузу, внимательно разглядывая Глеба.

— Гематис — большая редкость. Очень большая.

— Тогда почему ты отдала его мне?

— Потому что ты нужен мне, — она шагнула ближе, и в её

глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли отчаяние, то ли решимость. — Я хочу выбраться из этого места. Мне нужно позаботиться кое о ком. В общем, надо свалить из этой дыры, а одному тут не выкарабкаться. А у тебя неплохой потенциал. Разум выбрал, значит?

— Да, — кивнул Глеб. — Но как ты узнала?

— Разум — способность управлять внутренней энергией души — магией, — она резко подняла огромный тяжёлый меч, отливающий стальным блеском. — Я, например, выбрала силу. Бывает и так.

— Понятно, — Глеб не отрывал взгляда от меча, пытаюсь осознать услышанное. — Но откуда эти голоса? Кто стоит за всем этим?

— Бог, наверное. Или дьявол. Откуда мне знать? — она пожалала плечами, но в её голосе проскользнула тень тревоги. — Ты хочешь вернуться? Хочешь, чтобы твоё желание исполнилось? Если да, то вместе у нас куда больше шансов.

Глеб на мгновение замер, взвешивая слова. В голове крутились тысячи вопросов, но ответ был только один.

— Я согласен, — произнёс он твёрдо, глядя ей прямо в глаза.

— Вот и отлично. Идём в замок. Но учти: придётся драться жестоко и беспощадно. Кто бы ни оказался перед тобой — не верь внешнему облику.

В полумраке она казалась тенью, обретшей форму: чёрное короткое платье струилось при каждом шаге. Тёмные, выго-

ревшие на концах волосы собраны в небрежный хвост, однако непокорные локоны упрямо выбивались, спадая на скулы.

Глеб думал, что будет с ним, если он вернётся. Сможет ли он снова ходить или вновь будет влачить жалкое существование неполноценного калеки? В груди щемило от тревоги, но и от робкой надежды тоже.

— Как тебя зовут? — спросил он спутницу.

— Софира, — ответила она. — А тебя как величать?

— Глеб. Странное имя у тебя, но красивое. Слышу впервые.

Берцы с туго затянутыми шнурками глухо стучали по камням, выдавая в ней не утончённую красавицу, а ту, кто привык идти вперёд — несмотря ни на что. В её осанке читалась усталость долгих битв, но в взгляде — упрямая, негибкая воля.

— Глеб, а ты вообще откуда? И как попал сюда? — спросила Софира, не сбавляя шага.

— Упал в озеро, — ответил он. — Я из <скрыто>, холодная страна.

— Не слышала о такой. Видимо, мы из разных миров, — отозвалась она, бросив на него короткий взгляд.

— Серьёзно? — удивился Глеб. — Получается, это не просто какой-то странный сон?

Софира лишь усмехнулась:

— Если бы. Здесь всё слишком реально, чтобы быть сном.

Внезапно над шпилями замка взмыл гигантский зверь,

похожий на дракона: угольно-чёрная чешуя, крылья, затмевающие небо. Рёв сотряс землю, заставив камни под ногами дрожать.

Глеб пошатнулся. Воздух вышибло из лёгких. Ладони мгновенно стали влажными.

— Что это за чудовище? — произнёс он, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Софира резко остановилась, вгляделась вдаль. Голос её стал жёстче:

— Эту тварь в одиночку не победить. Это Клык Бездны — древнее создание, порождение теней и голода. Его чешуя неуязвима для простых клинков, а ледяное дыхание убивает в мгновение.

— С ним ещё биться надо? Это обязательно? — с сомнением спросил Глеб, с трудом оторвав взгляд от чудовища.

— Если не убить — не войдёшь в замок иллюзий. Врата опечатаны магией. Я пыталась пройти в обход — не вышло.

Она повернулась к нему. Глаза сверкнули стальным блеском.

— Ну что, Глеб? Всё ещё согласен идти до конца?

Он сглотнул. В горле пересохло. В мыслях — образы родных, лицо Ани, желание измениться, стать достойным отцом и сыном.

Глеб кивнул — резко, решительно:

— Да. До конца. Уничтожим этот сломанный мир!

ГЛАВА 6. АКСИС

— Жги эту тварь! — выкрикнула Софира. — Открыт!

Меч сверкнул — и руки чудовищного младенца с двумя омерзительными головами рухнули на землю с оглушительным грохотом. Монстр взвыл так, что земля дрогнула под ногами.

— Слишком толстый для моих ударов! — успел выкрикнуть Глеб, но уже в следующий миг обрубленные конечности чудовища начали отрастать заново, извиваясь, словно щупальца.

«Бошки срубали, руки-ноги — тоже... — мелькнуло в голове у Софиры, пока она ловко перебиралась по извивающемуся телу монстра, как белка по ветвям. — Остаётся живот! Там должно быть ядро!»

Глеб зажмурился, собирая остатки сил. Последний залп. Его единственный шанс.

Софира оттолкнулась от когтистой ладони твари, взмыла в воздух и всадила клинок в пульсирующее брюхо. Оголилось мерцающее ядро — но лезвие застряло в его толще, не дойдя до сердцевины. Кровь хлынула потоками, заливая камни, обдавая пространство едким, металлическим запахом.

Не раздумывая, Глеб рванулся вперёд. Адреналин гнал его сквозь кровавую пелену, а в голове вспыхнули обрывки прошлого — бой с рыцарем-нежитью, тот самый удар, что

решил исход схватки. Он сжал ладонь, и пламя взметнулось вокруг него, окутывая кулак багровым сиянием.

Размах. Удар.

Ядро треснуло с глухим, утробным звуком — и лопнуло, разбрасывая осколки во все стороны. Вязкая чёрная жижа, воняющая гнилью и серой, хлынула наружу, растекаясь по земле. Монстр издал последний, затихающий вой — и рухнул, сотрясая землю.

Глеб стоял, согнувшись, пытаясь отдышаться.

— Всё... Сил нет, — выдавил он сквозь прерывистое дыхание.

— Ну ты и дохлячок, старик, — фыркнула Софира. — Долго возились с этим уродом...

Дикий вопль раздался позади неё:

— Убили моего... убили внука!

Старуха бежала на неё с огромной косой, но, замахнувшись, вдруг застыла в изумлении. Её тело лопнуло с влажным хрустом, и ошмётки разлетелись в стороны. Кусок плоти угодил Софире прямо на лицо, липко прилипнув к щеке.

Она невозмутимо сняла его пальцами и, прищурившись, облизнула.

— А ведь неплохо. На вкус как пирожки бабушки, — заметила она с кривой усмешкой.

Глеб поднял на неё взгляд. В его глазах читался неподдельный ужас.

Глен примчался к хозяйке и уселся у её ног, его сенсоры

горели зелёным светом.

— Глен! Где ты был, мать твою?!

— Что это за... хреновина? — изумлённо выдохнул Глеб.

— Эта «хреновина» только что спасла нас. Это мой пёс

— Глен.

— Он что, робот? — успел спросить Глеб — и рухнул без сил.

— Ну и дохлячок, — снова фыркнула Софира, глядя на него сверху вниз.

* * *

Глеб открыл глаза. Луна висела в том же положении, что и раньше. Трещал костёр, бросая дрожащие отблески. Он поднялся и посмотрел на спутницу.

Та ворочала что-то на огне — мясо шипело и дымилось. Рядом сидел Глен, издавая странные щелчки, похожие на звук работающих шестерней.

Девушка обернулась:

— Очнулся? Еда почти готова. Нужно набраться сил.

Глеб пригляделся к костру. Запах жареного мяса ударил в нос — и тут же перед глазами всплыла сцена: Софира облиывает кусок плоти ведьмы. Его затошнило, и он отпрянул.

— Я... я не буду есть! Ты поехавшая! — выкрикнул он.

Софира удивлённо приподняла бровь:

— Это мясо того бобра с пятью хвостами. Жри давай. —

Она протянула ему шампур из ветки.

Глеб покосился на пищу. Голодная боль стянула живот тугим узлом. Он выхватил шампур из её рук.

— Речкой воняет, — проворчал он, жуя.

— Ну так это ж бобёр, хоть и гигантский. Радиоактивный, наверное.

Глеб проглотил кусок и покосился на Софиру.

— Слушай, если это место — ад для душ, то как этот робопёс оказался тут?

— Наверное, потому что отец вложил в него душу. В каком-то смысле и он здесь. Надеюсь, это не так. Пусть лучше будет в раю.

Глеб посмотрел на Глена. В памяти всплыли смешные видеоролики с робопсами из интернета — неуклюжие, добродушные машины, падающие на скользком полу. Этот же был другим: холодный металл, острые углы, взгляд зелёных диодов.

— Как он работает? — спросил Глеб, скрестив руки на груди.

— Ты про батарею? — Софира вздохнула. — Сама не понимаю. Может, он подзаряжается от этих... как их... кристаллов?

— О, «кристаллов»? — Глеб изобразил удивление. — Ну теперь всё ясно!

— Не умничай, — огрызнулась она. — Видишь, как мерцает? Наверняка какая-то энергия.

Глен тем временем уже стоял возле минерала. Подняв зад-

ную опору и что то делал.

— Глен, только не взорвись там, — крикнула Софира.

Робот не ответил — лишь издал короткий электронный писк, будто фырканье.

— А почему ночь не кончается? — вдруг сказал Глеб посмотрев на луну. — Это немного тревожит.

— Задумываться о мелочах — не время. Лучше подумай, как восстанавливать твою «ману». Кучу тварей перебили, а из Тупика так и не выбрались.

— А что, если ночь — это не отсутствие света, а отсутствие памяти о нём? — Глеб взглянул на свои дрожащие руки. — Мы забыли, как выглядит рассвет. И потому он не наступает.

— Тогда вспомним силой, — отрезала девушка. — Не словами, а ударами. Пока бьём — мы против тьмы. Остановимся — она победит.

— Даже если победа невозможна?

— Особенно если невозможна. В этом и есть суть: сражаться не ради победы, а вопреки её отсутствию.

Глеб проглотил кусок, покосился на Софиру — и вдруг всё замерло.

Огонь костра застыл, не колеблясь. Дым повисел в воздухе, как нарисованный. Даже запах жареного мяса словно потускнел, вытесненный чем-то... электрическим.

Глен застыл, его сенсоры мигнули красным — и вспыхнули жёлтым.

— Глен? Что там? — крикнула Софира, вскакивая на ноги.

Воздух наполнился озоном. Чувство эйфории и страха одновременно охватило пару. Пространство перед ними искажилось, словно вогнутое зеркало. Вдруг появился Он.

Не человек. Антропоморфное существо с тревожащей симметрией: одна сторона тела мускулистая, другая — изящная; ключицы острые, как лезвия, бёдра — округлые, будто высеченные античным скульптором.

Кожа переливалась перламутровым блеском — то холодно-серебристым, то золотисто-бронзовым. Глаза сияли лавандовым светом, взгляд скользил мимо, не задерживаясь на людях. Длинные волосы струились, словно сотканые из света. На ладонях пульсировали линии. На голове выступали олени рога.

Глен приготовился к атаке, но один взгляд существа заставил его замереть. Сенсоры робота погасли.

— Кто ты? — дрожащим голосом спросила Софира.

Существо плавно повернуло голову. Голос его прозвучал сразу отовсюду:

— Я — Аксис, один из Хранителей Башни. Тот, кто стоит у истоков порядка и у границ хаоса.

Софира сглотнула, пытаясь унять дрожь:

— Аксис?.. Зачем ты здесь?

— Затем, что равновесие колеблется. Вы коснулись нитей, которых касаться не следовало.

— Мы ничего не делали! — выпалил Глеб, но его голос прозвучал жалко на фоне всепроникающего голоса существа.

Аксис слегка наклонил голову — и в этом движении сквозила насмешка, древняя, как сами звёзды:

— О, но делали. Даже ваше дыхание — уже действие. Ваши мысли — волны, расходящиеся по ткани мироздания. Вы живёте, желаете, боитесь — и этим колеблете чашу весов.

— Весы чего? — спросила Софира, стараясь не отвести взгляд от лавандового сияния его глаз.

— Того, что удерживает печать внутри Башни. Того, что не даёт Древнему Злу пробудиться. Того, что хранит порядок — такой хрупкий, такой прекрасный в своей неизменности.

Глен издал прерывистый электронный гул — попытка восстановить контроль над системами. Но существо лишь повело ладонью, и робот снова замер, сенсоры потухли окончательно.

— Вы — искры в темноте, — продолжил Аксис. — Слишком яркие. Слишком беспокойные.

Девушка почувствовала, как холод сковывает грудь:

— Башня?..

— Да что за херня! — выругался Аксис, и его облик дрогнул. Вся та мощь и величие растворились, будто их и не было.

Перед ними стоял обычный парень лет семнадцати — в

потрёпанной толстовке, с растрёпанными волосами и веснушками на носу. Единственное, что бросалось в глаза, — его маленькие оленьи рога. Он согнулся пополам, пытаясь откашляться, и вытер ладонью губы.

Глеб и Софира переглянулись в изумлении. Глен замер — его сенсоры хаотично мигали, не в силах обработать внезапную трансформацию объекта.

Парень выпрямился, потёр шею и хмуро оглядел их:

— Ну чего уставились? Думаете, вечно этой монументальной фигнёй заниматься приятно? «Я — Аксис, Хранитель Башни», — передразнил он сам себя низким, гудящим голосом. — Фу, аж мурашки по коже.

— Ты... ты всё ещё хранитель? — осторожно спросила Софира.

— Типа того, — парень пожал плечами. — Но эта «божественная форма»... Она как неудобный парадный костюм. Тянет плечи, давит в груди, а ещё от неё голова болит. И главное — зачем? Чтобы вы, людишки, трепетали? Так вы и так трепещете, как осенние листья.

— Но... зачем тогда вообще её принимать? — удивился Глеб.

Аксис фыркнул:

— Это остатки моей силы. Думал, успею напугать вас до усрачки. Но, как видите... — он развёл руками, — не вышло.

Софира прищурилась, медленно проводя пальцем по лезвию меча:

— Ладно, «божок в толстовке». Раз уж ты не можешь нас убить, значит, хочешь чего-то другого. Чего?

Аксис вздохнул, сел прямо на землю и похлопал рядом с собой:

— Присядьте. Это долго. И... не поверите, если я просто скажу.

Глеб переглянулся с Софирой. Та пожала плечами:

— Пусть болтает. Хуже не будет.

Они присели — Глеб рядом с роботом, Софира напротив Аксиса.

— В общем, — начал тот, разглядывая свои ладони, — когда-то боги, создали Башню на землях Аида. Не просто строение, а гробницу порока. И мы сейчас внутри неё.

— То есть мы в каком-то здании?.. — Глеб обвёл взглядом пространство. — Да не может быть. А как же небо, луна?

— Она не просто сооружение, а многомирье, — Аксис скривился. — Воплощает в реальность самые ужасные аспекты зла. Время здесь течёт в разных направлениях, а самые страшные миры пересекаются. Это словно чёрная дыра.

Софира нахмурилась:

— А мы? Мы как сюда попали? И что за Аид?

— Аид — подлинный мир, — кивнул Аксис. — На его землях воздвигнута Башня, а внутри неё хранится семя самого мироздания — могущественная сфера. Она-то и создаёт измерения — копии мира богов, что зовётся Элизий. Но это лишь иллюзии, проекции.

Глеб сжал кулаки:

— То есть мы... Моя дочь, отец...

— Погоди, то есть наши миры нереальны? Просто копии?

А люди? — перебила Глеба Софира.

— Нет, — Аксис покачал головой. — Вы — эхо. Отражения замысла тьмы. Ваши души... Они помнят, что такое жизнь. И именно поэтому вы можете коснуться сферы, дабы разрушить печать.

— Печать? — переспросила Софира.

— Та, что держит Башню закрытой, — Аксис провёл ладонью по воздуху, и перед ними возникло мерцающее изображение конической структуры, сложенной из тысяч тёмных слоёв. — Боги думали, что, запечатав зло, они создадут идеальный порядок. Но без тьмы нет света. Без зла добро теряет смысл. И Элизий, мир богов... Он застыл. Ни роста, ни изменений. Ни жизни.

— И ты хочешь её сорвать? — Софира прищурилась. — Чтобы хаос поглотил всё?

— Не сорвать, — возразил Аксис. — Восстановить баланс. Зло и добро должны снова сосуществовать. Не как враги, а как две стороны одной монеты.

Глеб нахмурился:

— А как ты оказался здесь?

— Боги изгнали меня сюда, потому что я единственный, кто сказал: «Хватит», — Аксис сжал кулаки. — Я верил, что зло — не враг, а часть целого. Что без него мы все... непол-

ные. Боги испугались. И заперли меня здесь, чтобы я не разрушил их «идеальный порядок». Теперь я хранитель этого места поневоле уже миллионы лет.

— И теперь ты хочешь, чтобы мы помогли тебе разрушить печать? — фыркнула Софира.

— Я хочу, чтобы вы помогли вернуть вселенной равновесие, дыхание, — тихо сказал Аксис. — Чтобы она снова могла меняться. Страдать. Любить. Жить.

На мгновение повисла тишина. Ветер пронёс по земле горсть пепла.

— Звучит как бред, — пробормотала Софира.

— Может, и бред, — согласился Аксис. — Но это единственный шанс. Либо вы помогаете мне, либо остаёмся здесь навсегда. В вечном застое, где даже смерть — иллюзия.

Глеб посмотрел на Глена, затем на Софиру:

— Что думаешь?

Та вздохнула, убрала меч в ножны:

— Всё запутано. То есть какие-то типы создали симуляции жизни, заперли неудобную им часть миропорядка в какой-то сраной башне. И мы, сдохнув в своих мирах, оказались здесь. Зачем?

— В моём понимании это ад, и мы попали сюда по чьему-то зову, — Глеб повернулся к Аксису. — Знаешь что-нибудь об этих голосах?

— Это голоса ангелов, что пошли против творцов, — кивнул Аксис. — Их души быются в агонии и жажде возродить-

ся вновь. Они хотят, чтобы вы уничтожили печать, что удерживает их. Я бы и сам смог, но... — он вытянул руки, показав мерцающие оковы. — Эти путы не дают мне действовать напрямую.

— Звучит как дешёвая фантастика из восьмидесятых, — сказал Глеб. — Можно не верить, но выбираться всё равно нужно.

— Ладно, мелкий, — Софира хлопнула ладонью по колену. — Рассказывай, что нужно делать.

Аксис кивнул, его глаза вспыхнули лавандовым светом.

— Сфера находится в Замке Иллюзий, — произнёс он, и голос его зазвучал чётче, будто обретя новую силу. — Чтобы добраться до него, вам предстоит пройти сквозь пристанище одержимых. И да, — убить дракона, что стережёт врата.

Аксис щёлкнул пальцами — и его фигура начала растворяться, тая в воздухе, словно дым.

— погоди! Эй! — крикнул Глеб, бросаясь вперёд, но руки схватили лишь пустоту.

— Увидимся в Замке, — донёсся из ниоткуда смех Аксиса. И он исчез окончательно.

ГЛАВА 7. СКВОЗЬ ТЕРНИИ

— Похоже, мы миновали Тупик, — сказал Глеб, оглядываясь. Тишина здесь была другой — не мёртвой, а затаённой, словно сам город подстерегал их.

— Не расслабляйся, — бросила Софира, её меч чуть слышно зазвенел в ножнах. — Эти места кишат одержимыми. Я перебила кучу, а их становится всё больше. И они... меняются.

— Меняются?

— Да. В первый день они были медлительны, как тени. Теперь быстрее. Умнее. Словно кто-то учит их.

Глеб сжался.

Глен замер, сенсоры мигнули жёлтым — слишком быстро, неестественно.

«Что-то тут не так», — мелькнуло в голове у Софиры. Она прищурилась, глядя то на пса, то на Глеба.

— А ты давно ты тут?

Она замерла на миг, глядя вдаль, где в дымке проступали очертания замка.

— Да... то есть нет... Время здесь течёт вразброс, поэтому сложно сказать, давно ли я тут. Но по внутренним ощущениям... около месяца.

— Месяц... — Глеб провёл ладонью по лицу. — А как работает твоя «сила»?

— Ну смотри, какой огромный меч, — она подняла клинок одной рукой, легко, будто он был из бумаги. — Ты бы поднял своими ручонками? А я вот машу им как палкой. Так и работает сила.

— Откуда у тебя это оружие? — спросил Глеб, разглядывая клинок с замысловатой гардой.

— Трофей, — с гордостью ответила Софира, демонстративно взмахнув им. — Отобрала у здоровяка с восемью руками. Он ещё визжал, как поросёнок!

Она усмехнулась, проводя пальцем по зазубренному лезвию.

— Неплохое приобретение, да?

— Понятно, — Глеб нахмурился проигнорировав вопрос, — Интересно, а этот Аксис нам не соврал? Мы действительно лишь копии, безликие куклы в руках высших сил?

— Из его слов ясно, что Боги не бессмертны, — ответила Софира твёрдо, резко взмахнув рукой. — И сейчас они слабы. Нам самим стоит попытаться их уничтожить. Мы перестроим миры так, чтобы в них не было страданий и войн! — Её голос звенел, а лицо исказила гримаса, в которой смешивались восторг и безумие.

Глеб отшатнулся. Он посмотрел на свои ладони — обычные, мозолистые, совсем не божественные.

— Думаешь, нам это по силам? — спросил он, и в его голосе прозвучала горечь. — Не хочу становиться богом. Мне лишь бы вернуться домой. Что думаешь об "обещании"?

— Ты о исполнении желания? — Софира усмехнулась. — Я делаю ставку на собственные силы. Надеяться на волшебство попросту глупо. Тебе так не кажется?

— Я не знаю, кому и во что верить, — Глеб замолчал, вспоминая лицо Ани, её смех, тепло её руки. Воспоминания здесь казались хрупкими, как стекло.

— Верь хотя бы мне, — улыбнулась Софира В её улыбке не было ни тени сомнения — только железная уверенность, способная сдвинуть горы. — А теперь идём. У нас мало времени.

Она не ждала ответа — просто шагнула вперёд, зная, что Глеб последует за ней. И он последовал.

Но не успели они сделать и трёх шагов, как из домов начали вылазить они — одержимые. Они были не тенями — плотными, тяжёлыми, с налипшей на кожу грязью и кровью прежних жертв. Один, с вывернутой шеей, волочил по земле окровавленный топор. Другой, без глаз, шарил руками перед собой, хрипло дыша. Третий, самый крупный, с раздутым, пульсирующим животом, рычал, как зверь, из пасти капала чёрная слюна.

Глеб сжал тесак — лезвие вспыхнуло алым пламенем, очертив воздух дрожащим сиянием. Он не стал ждать: резко взмахнул оружием — и с клинка сорвались три огненных полумесяца. Они прорезали воздух с шипением, врезались в толпу одержимых, рассекая плоть, взрываясь вспышками жара.

Один из врагов рухнул, грудь его была рассечена до костей. Другой завопил, хватаясь за отсечённую руку — из обрубка хлестала тёмная кровь. Третий, разорванный пополам, ещё дёргался, пытаясь ползти. Но новые уже наступали — их было слишком много.

Глеб стиснул рукоять тесака. Пламя на лезвии дрогнуло,

но не погасло. Он бросился вперёд, рубя наотмашь. Клинок врезался в плечо ближайшего одержимого, прорубая кости — тот упал, захлёбываясь кровью. Следующий удар — и голова второго откатилась в сторону.

Софира не тратила слов. Меч в её руке наливался красным светом — сначала тускло, затем всё ярче.

— Глен, — только и бросила она.

Робот понял без команд. Его сенсоры вспыхнули алым, из корпуса выдвинулись пусковые установки. Три липучки вылетели в толпу, прилипли к движущимся фигурам — и взорвались огненными шарами, разметав одержимых в стороны. Но те не отступали, а лишь с рёвом продолжали атаку.

Глеб парировал удар топора, но следующий враг зацепил его когтями по боку. Когти прорвали одежду, оставив четыре глубокие борозды — горячая кровь потекла по рёбрам. Он зашипел от боли, но тут же рубанул тесаком, рассекая одержимого от ключицы до пояса.

После этого движения дыхание сбилось. Он замер на миг, пытаясь восстановить ритм — воздух входил в лёгкие с хриплым присвистом. Рука, державшая тесак, дрожала: мышцы жгло от перенапряжения, пальцы едва смыкались на рукояти. Он сжал её крепче.

Софира отбила атаку одного, второго, но третий сумел дотянуться — его нож вспорол ей предплечье. Кровь брызнула на подол платья, но она не остановилась: разворот, удар — голова врага отлетела в сторону.

А затем она уже не стояла на земле.

Оттолкнулась от стены, взметнулась вверх — выше, чем под силу обычному человеку. Меч пылал, оставляя за собой след из красных искр. Время застыло на миг: она зависла в воздухе, силуэт очерчен огнём.

— Разлом.

И обрушилась вниз.

Меч ударил по земле.

Волна красной энергии разошлась кругами, дробя камни, выбивая стёкла в окнах, срывая двери с петель. Одержимых швырнуло в стороны — их тела разлетались вдребезги, орошая мостовую ошмётками плоти.

Ударная волна докатилась до Глеба и Глена. Глеб пошатнулся, тесак в его руке потускнел — пламя на лезвии дрогнуло и погасло. Он прижал ладонь к ране на боку — пальцы окрасились красным. Дыхание вырывалось с хрипом, каждый вдох давался тяжелее предыдущего. Мышцы ног сводили судороги.

Корпус Глена дрожал от перенапряжения. Одна из опор подгибалась, из трещины в броне сочилась маслянистая жидкость.

Тишина.

Только треск разломанных камней под ногами. Капли крови, стекающие с лезвия меча Софиры. Хриплое дыхание Глеба.

Софира опустила меч. Лезвие мерцало угасающим крас-

ным светом. Она вонзила клинок в землю, тяжело опираясь на него всем весом — её грудь вздымалась от натужного дыхания. Рана на предплечье горела, кровь текла, пропитывая ткань. Но она выпрямилась. Взгляд — твёрдый, несмотря на усталость.

Глеб стиснул тесак. Металл был горячим, но огонь больше не струился по лезвию. Он кивнул.

Они двинулись вперёд.

Шаг за шагом.

Они двигались сквозь руины.

Глеб шагал впереди, сгорбившись от усталости и ран. Тесак он теперь держал в опущенной руке — клинок больше не пылал, а металл едва заметно дрожал. Дыхание вырывалось хрипом, каждый вдох отдавался болью в боку. Он то и дело оборачивался — проверял, идёт ли Софира следом.

Она шла, стиснув зубы. Меч волочился по камням, оставляя борозду в пыли. Рана на предплечье пульсировала, но Софира не позволяла себе остановиться. Глен шёл рядом — его приводы гудели, одна из опор подгибалась, корпус был покрыт царапинами и вмятинами.

Улицы становились уже, дома — выше, нависая над головами. В воздухе пахло мокрым камнем.

— Замок... — прохрипел Глеб, указывая вперёд.

Башни виднелись за поворотом. Их стены были испещрены трещинами, но всё ещё казались неприступными. Узкие бойницы смотрели на путников, словно оценивая.

— Ещё немного, — бросила Софира, с трудом выпрямляясь. Она оперлась на меч, затем резко оттолкнулась от него, заставляя себя идти дальше.

Путь преграждали завалы — груды камней, обломки стен, ржавые каркасы карет. Глеб перешагивал через них, но каждый шаг давался тяжелее. Софира цеплялась за выступы, подтягивалась, волокла себя вперёд. Глен перебирался через препятствия с механическим упорством — его сенсоры мигали красным, но он не останавливался.

Ветер усилился. Он свистел в проломах стен, гнал по мостовой клубы пыли и обрывки чего-то чёрного, похожего на обгоревшую паутину. Где-то вдаль раздался низкий, вибрирующий гул похожий на стон.

Глеб застыл, вскинув голову.

— Слышите?

Софира тоже остановилась. Её взгляд метнулся к небу — туда, где над башнями замка кружили тёмные силуэты. Они были слишком большими для птиц. Один из них на миг завис, расправив крылья, затем скользнул за зубцы стены.

— Дракон, — прошептала она.

Глен издал прерывистый электронный сигнал — предупреждение. Его сенсоры вспыхнули алым, сканируя небо.

— Не останавливаться, — процедил Глеб. — Пока он кружит — у нас есть шанс.

Они ускорили шаг — почти побежали, несмотря на боль и усталость. Мостовая под ногами пошла вверх, переходя в

изрытый выбоинами подъём к замковым воротам. Те были полуразрушены: одна створка висела на петлях, другая лежала на земле, расколотая пополам.

Глеб первым ввалился внутрь, едва не упав на пороге. Софира последовала за ним, Глен — последним. Пёс замер у входа, его сенсоры продолжали сканировать небо.

Софира прислонилась к стене, тяжело дыша. Глеб опустился на колени, сжимая бок — кровь снова проступила сквозь пальцы.

Они добрались.

Но за стенами замка, что-то шевелилось. Что-то огромное, дышащее жаром. И оно знало, что они здесь.

ГЛАВА 8. ДРАКОН

Они едва успели перевести дух, как небо над замком потемнело ещё сильнее. Воздух сгустился, пространство завибрировало, камни под ногами задрожали.

Из-за зубчатых башен вынырнул чёрный дракон. Его крылья, широкие, как паруса, затмили лунный свет. Чешуя была чёрной, но в её глубине горел багровый огонь, будто под кожей текли реки расплавленной лавы. Глаза его горели древним разумом.

Он опустился перед воротами замка, ударив хвостом по земле. Из его пасти вырвался дикий, оглушительный рёв — не просто звук, а волна чистой силы, от которой дрогнули

стены, а у людей зазвенело в ушах, потемнело в глазах.

Глеб и Софира рухнули на колени, не в силах устоять. Глеб вжался не в силах поднять голову — давление воли дракона пригибало к земле, лишало дыхания. Софира, не выдержав, зарыдала от бессилия. Слезы текли по её щекам, смешиваясь с пылью и кровью.

— Мы... не сможем... — прошептала она, с трудом выговаривая слова. — Я сражалась с ним... много раз... умира... рала... возрождалась... но никогда... никогда не могла победить...

Глен, несмотря на повреждения, медленно вышел вперёд. Его сенсоры мигали тусклым зелёным светом, приводы скрипели от напряжения, но он шёл прямо к дракону — без страха, без колебаний.

И вдруг... сел рядом с чудовищем.

Дракон склонил голову, разглядывая робота. Между ними будто завязался безмолвный диалог.

Затем дракон снова обратил взгляд на людей. Его голос раздался не в ушах, а в сознании:

— Ты, — он указал когтем на Глеба, — ты не просто воин. В тебе есть то, что может разрушить печать. Я вижу это. Чувствую.

Софира вздрогнула, её глаза расширились от боли и зависти.

— Но... я же... я столько раз пыталась... столько раз умира... рала ради этого... — её голос дрожал.

— Потому что ты слишком стараешься, — перебил дракон. — А я, знаешь ли, не люблю усердия. Я обожаю лень, недоделанные дела и забытые ключи. Вот почему ты проигрывала.

Софира моргнула.

— То есть... чтобы победить, нужно... ничего не делать?

— Именно! — дракон зевнул, выпустив струйку пара. — Но ты уже слишком много об этом думаешь, так что всё равно проиграешь. Хотя... у тебя есть шанс, если прямо сейчас ляжешь спать.

Глеб молчал. Он не понимал до конца, что происходит, но чувствовал: дракон не лжёт и не собирается их убивать.

Глен начал крутиться вокруг своей оси, подмигивая сенсорами Клыкку.

— Ах, как приятно, когда кто-то понимает твой внутренний код! — проорчал он. — Знаешь, Глен, я ведь не всегда был драконом. Раньше я был... бухгалтером. Да! И вот однажды я заполнил налоговую декларацию неправильно, и Вселенная решила, что я должен стать символом хаоса.

Он посмотрел на Глеба:

— Пропускаю вас, — произнёс Клык Бездны. — Но помните: печать не разрушают силой. Её разрушают выбором.

Дракон расправил крылья, поднялся в воздух — и, сделав круг над замком, исчез за башнями, оставив после себя вихри пыли и затихающее эхо рёва.

Софира медленно поднялась на ноги. Её лицо было мокрым от слёз, но взгляд уже становился твёрдым. Она посмотрела на Глеба — в её глазах ещё читалась обида, но и решимость.

— Значит... теперь твоя очередь, — сказала она тихо. — Не подведи.

Глеб кивнул. Он не знал, что ждёт их внутри, но понимал: обратного пути нет.

Глен вернулся к ним, его сенсоры мигнули жёлтым — сигнал готовности.

Они переступили порог замка. Тьма сомкнулась за их спинами. — и в тот же миг пелена, окутывавшая их разум, спала.

Давление, сковывавшее мысли и чувства, исчезло. Воздух внутри оказался неожиданно чистым и прохладным, пах камнем и стариной — без следа той гнетущей тьмы, что царилa снаружи.

Они оказались в зале — огромном, высоком, с уходящими в полумрак сводами. Пол был выложен чёрно-белыми плитами, уложенными спиралью к центру. Стены украшали барельефы — сцены битв, затмения, крушение башен, — но все фигуры на них были обезглавлены или стёрты временем.

В дальнем конце зала стояла статуя.

Воин в золотой броне, покрытой тонкими узорами. Его шлем венчали два изогнутых рога, отбрасывающих длинные тени в свете невидимого источника. Он стоял, опершись на массивную секиру, лезвие которой вонзилось в каменный

пол. Поза была спокойной, но в ней чувствовалась скрытая сила — будто он лишь на миг замер, чтобы оглядеть вошедших.

Глеб шагнул вперёд, не отрывая взгляда от статуи. Что-то в её чертах казалось знакомым — не лицо, нет, а линия подбородка, гордый изгиб бровей...

И вдруг — на мгновение, едва уловимо — глаза статуи вспыхнули янтарным светом. Воин посмотрел на него.

Глеб замер. Сердце пропустило удар. Он мог поклясться — тот узнал его. В этом взгляде было что-то древнее, испытующе-строгое, словно оценка, которую он только что прошёл... или не прошёл.

— Ты видела? — прошептал он, оборачиваясь к Софире. Та нахмурилась, разглядывая изваяние:

— Что?

— Он... посмотрел на меня.

Софира недоверчиво покачала головой:

— Статуи не смотрят, Глеб. Это игра теней.

Но Глен, стоявший чуть позади, издал короткий электронный сигнал — высокий, тревожный. Его сенсоры мигали, сканируя статую.

Глеб снова обернулся к воину. Глаза изваяния были по-прежнему неподвижны. Только янтарный отблеск дрожал в углублениях зрачков — или это всё же был отблеск света, преломлённого хрустальными нитями, свисавшими с потолка?

Он сделал ещё шаг вперёд. Под ногами хрустнул мелкий камень. И в тишине зала этот звук разнёсся эхом.

Статуя не шелохнулась.

Они сели на пол. Усталые. Обессиленные. Кровь — своя и врагов — запеклась на одежде, стягивая ткань в жёсткие складки. Глеб прислонился к стене, закрыв глаза; дыхание вырывалось хрипами. Глен замер рядом, его сенсоры мигали тусклым красным светом, корпус подрагивал.

Софира опустила на колени, затем медленно села, подтянув ноги к груди. Она смотрела на статую воина — та казалась лишь камнем, но Софира чувствовала его взгляд. Не оценивающий, не осуждающий — понимающий.

И в этой тишине, под сводами древнего зала, её мысли обрели форму — не воспоминаний, а мечты. Той, что жила глубоко внутри, за семью замками страха и усталости.

«Я никогда не говорила ей, как горжусь ею», — мелькнуло в голове.

Она представила, как Рисса стоит на берегу озера — настоящего, чистого, не отравленного радиацией. Ветер треплет её волосы — уже густые, блестящие. Сестра смеётся, наклоняется, чтобы сорвать цветок, и не кашляет, не морщится от боли.

«Ты бы видела это озеро, Рисса. Вода в нём синяя, как небо, и прозрачная — видно, как рыбы плывут у самого дна. И воздух... он пахнет травой и дождём, а не дымом и железом».

Она представила — то, чего никогда не было в их жизни, но что могло бы быть:

Рисса рисует углём на каменной стене — не карту ведущую в убежище, а луны, большие и яркие, с лучами во все стороны.

Сестра учит какого-то мальчишку из нового поселения завязывать узлы — терпеливо, с улыбкой.

Они сидят вдвоём у костра, и Рисса поёт — не довоенную песню, а новую, которую сочинила сама.

Софира сжала кулаки, чувствуя, как под ногтями хрустит засохшая кровь.

«Башня... если ты слышишь... не дай ей больше бояться. Не дай ей знать, что такое голод, холод, боль. Пусть у неё будет дом — настоящий, с окнами, которые не нужно заколачивать на ночь. Пусть у неё будут друзья, которые не смотрят на неё как на обузу. Пусть она просто... живёт».

Она подняла взгляд на статую. Теперь ей казалось, что в его глазах, высеченных из тёмного камня, мелькнуло одобрение.

«Может, ты тоже когда-то мечтал о чём-то подобном? О мире, где не нужно сражаться каждую минуту? О доме, который не рушится от первого же взрыва?»

Глеб открыл глаза, поймав её взгляд.

— Ты улыбаешься, — заметил он. — Впервые за... долго.

Софира не сразу осознала, что губы и правда растянулись в слабой, но искренней улыбке.

— Да. Думаю о том, каким может быть будущее.

Глен издал короткий электронный сигнал — мягкий, почти мелодичный. Будто вторил её мыслям.

Они сидели в тишине, окружённые тенями прошлого. Но где-то глубоко внутри каждого из них разгорался огонь — не ярости, не отчаяния, а надежды.

И статуя... казалось, чуть заметно кивнула.

ГЛАВА 9. ПЕЧАТЬ СФЕРЫ

— Вы таки добрались? Молодцы, — сказал он, и в его голосе смешались усталость тысячелетий и мальчишеская насмешка.

— Куда теперь? Долго ещё? — спросил Глеб, сжимая рукоять тесака.

Аксис устало вздохнул, провёл ладонью по лицу и щёлкнул пальцами. Позади него возник лифт — кованый, с резными узорами и стеклянным полом.

Он зашёл первым, махнув рукой:

— За мной.

Лифт дрогнул и начал подниматься. В голове Софиры вдруг зазвучали голоса — тихие, вкрадчивые, но настойчивые:

«Рисса... Рисса ждёт... ты сможешь её спасти... воссоединиться... обнять... больше никакой боли... никакого страха...»

Они шептали, пели, обещали, и с каждым мгновением желание становилось всё сильнее, заполняя каждую мысль, каждую клеточку её существа. «Только коснись сферы... только разрушь печать... и всё будет как раньше... как должно быть...»

В голове Глеба тем временем вспыхивали образы — здоровый отец, смеющийся за столом, счастливая мать, улыбающаяся Аня, протягивающая к нему руки. «Семья... дом... жизнь... всё можно вернуть...» — шептали воспоминания, становясь осязаемыми, почти реальными.

Лифт остановился. Двери распахнулись, и они вышли в старинную готическую обсерваторию. Высокие стрельчатые окна с витражами переливались багровыми и чёрными оттенками. Сквозь них проникал свет кровавой луны, окрашивая мраморный пол в цвет запёкшейся крови.

Посреди зала на постаменте из чёрного камня покоилась Сфера — пульсирующая, дышащая, испещрённая узорами, которые то вспыхивали, то гасли, словно далёкие звёзды.

Софира замерла, глядя на неё. В её сознании голоса стали громче, настойчивее: «Коснись... коснись... и Рисса будет жива... будет рядом... ты больше никогда её не потеряешь...»

Она сжала кулаки, ногти впились в ладони, но боль была ничто по сравнению с жаждой. «Я столько раз умирала... столько раз сражалась... ради этого... ради неё...»

— Вас сюда привела жажда жизни и упорство, — произ-

нёс Аксис, его голос звучал отовсюду, вибрируя в стенах и полу. — А теперь спасите свои миры. Спасите наши миры. Восстановите равновесие. Разружьте печать.

Голоса в голове Софиры взорвались ликующим хором: «ДА! ДА! РАЗРУШЬ! И ВСЁ БУДЕТ КАК НАДО!»

Не раздумывая, она рванулась к сфере, протянув руки, уже чувствуя, как энергия печати откликается на её жажду.

Глеб без колебаний бросился следом — и вонзил тесак ей в хребет.

«Я... я не хочу отдавать своё желание — свою семью, свой шанс на возвращение», — думал он, и в этом внутреннем крике смешались вина и решимость.

Лезвие вошло глубоко — но не с металлическим лязгом, а с глухим, почти органическим хрустом, будто пронзило не тело, а сгустившуюся тень. Софира замерла на полушаге, её вытянутая к сфере рука бессильно опустилась.

На миг всё вокруг застыло. Багровый свет луны окаменел полосами на полу, витражи перестали мерцать, замерев в одном зловещем оттенке. Время словно остановилось, повисло в душном, напряжённом воздухе обсерватории.

Софира медленно обернулась. Её лицо не исказила боль — лишь недоумение, смешанное с горьким пониманием. Она посмотрела на Глеба, и в её взгляде читалось что-то похожее на разочарование, смешанное с едва уловимой благодарностью.

— Ты... Почему?... — выдохнула она, и силы окончатель-

но покинули её. Колени подкосились, и она упала на пол, тяжело осев на мраморные плиты.

Глеб с трудом сглотнул, его рука дрожала, но он не отпустил рукоять. Он замер в молчании и опустил взгляд.

Сфера дрогнула. Узоры на её поверхности вспыхнули ярче, разбрасывая по стенам обсерватории пляшущие отблески, и пространство вокруг них исказилось — линии витражей поплыли, словно расплавленное стекло, а пол под ногами пошёл волнами. Реальность колебалась между двумя возможными путями, пульсировала в такт с биением ядра самой Башни.

Аксис стоял в стороне, невозмутимый среди этого хаоса. Он машинально облизнул каплю тёмной крови, что попала ему на подбородок. Его лавандовые глаза мерцали в полумраке, отражая вспышки символов на сфере.

— Давай, прикоснись, — произнёс он негромко, но его голос прозвучал отчётливо, перекрывая гул искажающегося пространства. — Не бойся. Она ждёт именно этого.

Глеб помедлил лишь мгновение. Ладони горели, будто от внутреннего жара, а в голове крутились мысли: «Что, если я ошибаюсь? Что, если это ловушка?» Но взгляд на бездвижную Софиру, на её бледное лицо, — и он решился.

Он шагнул вперёд и приложил ладони к гладкой, прохладной поверхности сферы.

ГЛАВА 10. ИСХОД

Глеб медленно открыл глаза. В первое мгновение он не мог понять, где находится. Перед внутренним взором ещё мелькали обрывки видений — Софира с мечом, Аксис, клубящаяся тьма ада, через который он прошёл... Но образы растаяли, как дым на ветру, оставив лишь смутное послевкусие чего-то зловещего.

Он моргнул, привыкая к свету. Над ним склонились лица — родные, любимые, живые. Отец в строгом деловом костюме, с едва заметной сединой в волосах. Мама — глаза красные от слёз, но на губах счастливая улыбка. Лиза, его жена, держит его за руку, пальцы её дрожат. А Аня, его дочь, обнимает его за шею и радостно кричит:

— Папа! Папа проснулся!

Глеб с трудом сглотнул. Голос не слушался, но он выдавил:

— Аня...

Он потянулся к ней, обнял так крепко, как только мог в своём ослабленном состоянии. Девочка засмеялась, а у него на глазах выступили слёзы.

— Мы думали... думали, ты не вернёшься, — прошептала Лиза, прижимаясь лбом к его плечу.

Мама всхлипнула, вытерла глаза платком:

— Врач позвонил вчера вечером. Сказал, что ты начал просыпаться. Мы сразу приехали...

Отец положил руку ему на плечо, сжал крепко:

— Главное, что жив. Остальное — поправим.

Глеб закрыл глаза, вдыхая знакомые запахи — маминых духов, папиного одеколона, тёплого дыхания дочери. Всё казалось таким реальным, таким правильным... Но где-то в глубине души шевелилось странное ощущение — будто он забыл что-то важное. Что-то, без чего мир казался неполным.

Через две недели Глеба выписали. Он всё ещё был слаб, часто уставал, но душа пела от счастья. Рядом были те, кого он любил.

За ним приехали родственники. Отец сел за руль большого семейного внедорожника, мама устроилась рядом, Лиза с Аней — сзади. Глеб сел на переднее пассажирское сиденье, глядя, как мимо проплывают городские улицы.

Но чем дальше они ехали, тем сильнее его терзали сомнения.

«А всегда так было?» — эта мысль вдруг вспыхнула в голове, острая и неуместная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.